

— Красавчик, военное искусство так не работает, — Сун Фэй едва не плакал. — Специально конфисковать мой кипятильник во время проверки комнат — это чтобы помириться; специально прислать эсэмэску о том, что препод по факультативу отмечает присутствующих, — тоже чтобы помириться. Это какими же извилинами надо обладать, чтобы разглядеть во всех этих обходных маневрах желание сойтись?!

— Я ответил за тебя.

— Что? — Сун Фэй, погруженный в собственные страдания, не расслышал бормотания Ци Яня.

Ци Янь вздохнул, и в его голосе прозвучало легкое разочарование:

— Я ответил «здесь» за тебя.

Поворот сюжета оказался слишком внезапным, и Сун Фэй растерялся:

— Значит, ты прислал мне сообщение только для того, чтобы... похвалиться заслугами?

Ци Янь промолчал, что означало согласие.

Сун Фэй окончательно вышел из себя:

— Тогда почему ты не сказал прямо? Зачем нужно было сначала пугать меня тем, что из-за прогула я завалю зачет? Какой смысл злить меня понапрасну?

— Для подготовки почвы.

— Но зачем для этого сначала злить человека?!

— Чтобы контраст был ярче.

— Умоляю, когда вернешься домой, сожги этот пиратский учебник по тактике!!!

Как ни крути, иногда полезно отказаться от плотских утех в пользу платонического общения. Вот как сейчас: Ци Янь в полной мере осознал, что его прежний путь к примирению был столь же тернист, как Великий поход в двадцать пять тысяч ли, — впору издавать книгу «Сто типичных ошибок в любви».

Подведя итоги прошлых ошибок, следовало устремить взор в будущее. Ци Янь только собрался завести с Сун Фэем душевный разговор о том, как им жить дальше, как вдруг почувствовал неладное.

Он в нерешительности обернулся и действительно увидел Хуан Мо, стоявшего всего в шаге от них.

— Ночной перекус, — парень невинно улыбнулся.

Ци Янь повернулся и отступил в сторону, чтобы Сун Фэй тоже было видно.

— Ты когда подошел? — вздрогнув, спросил Сун Фэй даже быстрее Ци Яня.

— Только что, — непринужденно ответил Хуан Мо.

Ци Янь со смешанными чувствами посмотрел на протянутую ему половинку яблока:

— Оно уже потемнело.

— Ладно, я подошел, когда Сун Фэй спросил, сошлись бы вы снова, если бы ничего не случилось, — признался Хуан Мо.

Ци Янь потерял дар речи.

— Да это же было целую вечность назад! — воскликнул Сун Фэй.

Хуан Мо улыбнулся. Он врал с совершенно невозмутимым видом, так же спокойно признал свою ложь, когда его поймали за руку, и теперь преспокойно возвращался к прерванной теме:

— Хотите узнать мое мнение по поводу того гипотетического вопроса?

Сун Фэй заинтересовался. Их отношения с Ци Янем всегда варились в собственном соку, и ему было любопытно послушать взгляд со стороны — особенно от такого мастера психологического анализа, как Хуан Мо:

— Просветите нас, учитель Хуан.

— Вы все равно не разойдетесь.

Ци Яню этот ответ пришелся по душе:

— Почему ты так думаешь?

— Вы либо сойдетесь обратно, либо, даже если не сойдетесь, все равно продолжите таскаться друг за другом, не в силах разорвать связь.

Сун Фэй смутился:

— Неужели наша любовь настолько очевидна?

— Психологические исследования показывают, что одинокие геи с высокой долей вероятности находят партнеров среди близких знакомых из своей же среды. Во-первых, замкнутое пространство сужает круг выбора, во-вторых, со знакомым человеком уже есть взаимопонимание: сел и поехал, да и уровень безопасности выше. Это характерная черта подобных узких субкультурных кругов. Так что, даже если вы не сойдетесь как пара, вы все равно останетесь партнерами по сексу.

Ци Янь и Сун Фэй лишились дара речи.

После двух минут гробовой тишины:

— Спасибо за угощение, — выдавил Ци Янь.

— Учитель Хуан, у тебя есть другие дела? — спросил Сун Фэй.

На самом деле у Хуан Мо действительно было дело к ним, иначе он не стал бы так бесцеремонно лезть к воркующей парочке.

— Я хочу обсудить с вами наши дальнейшие планы, — отбросив шутливый тон, Хуан Мо посерьезнел.

Ци Янь и Сун Фэй переглянулись. Первый, кажется, о чем-то догадался, второй же пребывал в полном недоумении.

Хуан Мо не стал ходить вокруг да около и выложил все напрямую:

— Столовая долго не протянет. Какой там месяц — даже неделю продержаться будет трудно.

Сун Фэй не понял, что он имеет в виду, и первым делом подумал о новоприбывших:

— Ты о тех тринадцати?..

— Нет, — Хуан Мо покачал головой и, взглянув на веселящихся вдали ребят, тихо вздохнул: — Проблема не в них. Она в нас.

Сун Фэй и Ци Янь замолчали, больше не перебивая и приготовившись слушать.

Хуан Мо ненадолго задумался, затем поднял взгляд и медленно произнес:

— Мы не сможем бросить людей умирать, а значит, будем принимать каждого, кто до нас доберется. Но ресурсы не бесконечны. Яблоко, которое вы сейчас держите, — это наши последние фрукты. Рано или поздно мяса и овощей тоже перестанет хватать на всех. Если мы начнем строить планы только тогда, может быть уже слишком поздно.

— Ты же сам сказал «рано или поздно», так почему не «поздно»? — не удержался Сун Фэй. Он понимал, что нужно готовиться к худшему, но по натуре склонялся к оптимизму. — Может, когда придут спасатели, нас так и останется чуть больше двадцати человек? Тогда еды не просто хватит, но еще и останется.

— Теоретически это может случиться как поздно, так и рано. Но я скажу тебе: ранний вариант куда более вероятен, — Хуан Мо сделал паузу и продолжил уже более мрачным тоном: — К тому же, стоит только начать, и поток беглецов будет нарастать лавинообразно. Особенно из общежития: чем больше там выживших, тем сильнее сработает стадный инстинкт. Как только число людей в столовой превысит запасы продовольствия, начнутся стычки. Тогда никакие радионовости не смогут удержать ситуацию под контролем. Ведь еда, которая лежит прямо перед носом, имеет куда больший вес, чем спасатели, которые придут неизвестно когда.

Сун Фэй молчит.

Ци Янь задумался.

— Я говорю это не к тому, что нам нужно бежать прямо сейчас, — Хуан Мо посмотрел на товарищей, — но мы обязаны заранее подготовиться к уходу.

Сказав все, что хотел, он предоставил друзьям время переварить информацию. Хуан Мо видел, что эти двое — костяк всего класса ушэн, поэтому и обратился сначала к ним. Если они примут эту мысль, дальше двигаться будет проще.

Конечно, если все приготовления окажутся напрасными и они действительно разминутся с худшим сценарием, это станет самым счастливым случаем в его жизни, когда его прогнозы с треском провалятся.

Лишь под утро все двадцать семь ребят, устроившихся на кухне, наконец начали засыпать один за другим.

Члены класса ушэн по привычке улеглись рядком на матрасах. Ученики из группы «Тринадцать химиков» за время пребывания в корпусе Цюши уже научились понимать друг друга без слов: хоть они и сгрудились хаотичной кучей, лица у всех были спокойными и умиротворенными.

Ци Янь и Сун Фэй уснули последними.

Слова Хуан Мо изрядно поумерили радость от радиопередачи, зато помогли вернуть на землю их вскруженные головы, подарив горькую, но трезвую уверенность.

Когда они проснулись, стрелка часов уже приближалась к полудню.

Вопрос о том, уходить или оставаться, пока завис в воздухе, но среди ребят, буянивших всю ночь, уже появились заболевшие.

И далеко не один.

Цяо Сыци — жар.

Чжоу Илюй — жар.

Фэн Цибай — жар.

Чжао Хэ — сорвал голос.

Два дня на сквозняке в корпусе Лубань не прошли даром.

Промокшая до нитки одежда в корпусе Исинь тоже дала о себе знать.

Полвечера песен под яблоней обошлись без последствий — храни их Ньютон. Но товарищ Чжао Хэ на этом не успокоился и всю ночь орал рок на кухне, пока благополучно не доигрался до потери голоса.

Сначала только Цяо Сыци лежал пластом и тихонько постанывал. Чжоу Илюй проснулся от этого скулежа и недовольно проворчал, не напал ли на того сонный паралич. Но когда он сам попытался подняться, чтобы умыться, у него так сильно закружилась голова, что он пошатнулся и рухнул обратно на матрас.

На беду, на том же настиле спали Ван Цинюань, Ли Цзинюй, Ло Гэн и давно хнычущий Цяо Сыци. Чжоу Илюй рухнул поперек них, придавив им животы, так что бедняги чуть не испустили дух.

Сун Фэй, Ци Янь и Сяо Дилей, которую они укрыли между собой, избежали этой участи, но вопли товарищей мигом их разбудили.

Цяо Сыци попытался спихнуть Чжоу Илюя, ухватив того за голову, но от слабости не смог сдвинуть его ни на миллиметр. Зато его ладонь ощутила необычайный жар чужого лба. Цяо Сыци потрясенно округлил глаза:

— У тебя тоже температура?

В этой короткой фразе крылась бездна смысла и целая гамма чувств. Чжоу Илюй примерил слово «температура» на себя, прислушался к ощущениям — и правда, в голове гудело, а по телу разливался противный озноб. Затем он осознал значение слова «тоже» и всё понял.

Смахнув руку Цяо Сыци, Чжоу Илюй приложил ладонь к собственному лбу, а другую протянул к голове друга. Сравнение подтвердило худшие опасения: оба горели одинаково.

— Ты меня заразил?

— У тебя паранойя, что ли?.. — Цяо Сыци страдал физически от болезни, да еще и получил удар под дых от товарища. К сожалению, сил кричать не было, поэтому его возмущение прозвучало вяло и тихо.

Голова Чжоу Илюя раскалывалась все сильнее, мысли путались.

Цяо Сыци, продолжая монотонно постанывать, силился сохранить остатки ускользающего сознания:

— Наверное, это из-за сквозняков в вашем корпусе. Я еще тогда почувствовал себя неважно...

— Чжоу Илюй, — раздался вдруг слабый голос Ли Цзинюя.

— Погоди, — Чжоу Илюй сейчас был не в состоянии делать два дела одновременно. — Я сначала с ним договорю.

<http://bllate.org/book/18287/1753503>